

Динамический аспект современных permских языков

(на материале лексики)

14

E. A. Цыпанов,

доктор филологических наук, доцент,
заведующий сектором языка Института
языка, литературы и истории Коми
научного центра Уральского отделения
РАН (г. Сыктывкар, РФ)

Прежде чем обратиться к проблематике статьи, есть необходимость дать самые основные сведения о permских языках: коми и удмуртском.

Коми-язык – родной язык для всех этнографических групп коми: коми-зырян, коми-пермяков и коми-язьвинцев. В данной статье представлено общепринятое в международном финно-угроведении разделение коми-диалектного континуума на три наречия – коми-зырянское, коми-пермяцкое и коми-язьвинское. Последнее ассоциируется с одноименным диалектом, который уже много веков существует изолированно от основного массива и поэтому сохранил множество архаичных элементов. Носители коми-язьвинского диалекта проживают в Красновишерском районе Пермского края по р. Язве. Всего насчитывается 20 коми-диалектов, разделяющихся по географическому принципу на две группы: коми-язьвинский и коми-пермяцкие, включающие в себя 8 диалектов; коми-зырянские, состоящие из 10 диалектов, а также переходный верхнекамский диалект.

Два коми-литературных языка возникли и развились на основе соответствующих пермяцких и зырянских диалектов. Коми-язык – старописьменный язык, обладающий давней письменной традицией. Она возникла в XIV в. усилиями просветителя коми и миссионера Стефана Пермского (ок. 1345–1396). Нормированные коми-литературные языки были разработаны в начале XX в.: коми-зырянский литературный язык существует с 1918 г., коми-пермяцкий был разработан в 1923 г. Коми-зырянский литературный язык на территории Коми республики с 1992 г. законодательно закреплен как

государственный наряду с русским, но в реальности пока таковым не является. Коми-пермяцкий литературный язык на территории Пермского края в районах, заселенных коми, никакого общественно-правового статуса не имеет.

Удмуртский язык является родным языком для всех территориальных групп удмуртов. Исследователи выделяют в языке три наречия, или группы диалектов: северное, южное и срединное, а также бесермянский диалект, вобравший в себя особенности как южных, так и северных диалектов. Данные о количестве диалектов у разных авторов расходятся; чаще всего в составе северного наречия различаются верхне-, средне- и нижнечепецкий диалекты, а в составе южного – центральный и периферийно-южный. Литературный язык опирается на срединные говоры, однако в него широко привлекаются грамматические и лексические элементы других диалектов, особенно южных, так как большинство удмуртских писателей были и являются выходцами из южных районов республики, Татарстана и Башкортостана. Удмуртская письменность возникла в XVIII в. на базе кириллицы. В XIX в. выходили брошюры, книги, буквари, Евангелия на основе разных диалектов. Современный литературный язык сформи-

Коми-зырянский литературный язык на территории Коми республики законодательно закреплен как государственный наряду с русским, но в реальности таковым не является.

Коми-пермяцкий литературный язык на территории Пермского края в районах, заселенных коми, никакого общественно-правового статуса не имеет.

ровался в 20-е гг. XX в., причем изначально был взят курс на создание единого общенационального нормированного языка с привлечением языковых ресурсов большинства диалектов, т. е. диалектная база языка была широкой. Из-за этого удмуртский литературный язык отличается своей вариативностью и в морфологии, и в лексике. В Республике Удмуртия удмуртский язык объявлен государственным языком наряду с русским, однако закон о языках в большинстве пунктов реально не выполняется.

Языковые системы пусть медленно, но постоянно изменяются, и наиболее подвержена изменениям лексика. Хотя справедливо утверждается, что «в многонациональном государстве большинство заинтересовано в стабильной норме, а не в динамике системы» [2, 135], тем не менее динамический аспект лексики языка наглядно демонстрирует изменчивость и тенденции развития языковых систем, прежде всего диалектов и литературного языка. Особенно явственно динамика в лексической системе пермских языков стала видна в последние два десятилетия, в период бурных общественно-политических процессов, смены поколений, нарастающей глобализации.

Лексический состав исследуемых языков включает в себя две взаимосвязанные системы: лексику диалектов и лексику нормированного литературного языка. Особенность этих языков такова, что, не имея однородной языковой среды в городах, они не обладают городским просторечием, жаргонами и арго. Выделяются, однако, детская речь с ее специфической лексикой и в какой-то мере студенческо-молодежный сленг, характерной чертой которого являются заимствованные слова и кальки из соответствующего русского сленга, например: *к. преподёс кызыны* «слушать преподавателя», *зачоткас вунома* «зачетка забыта, оказывается». Уровень изученности коми- и удмуртских диалектов неодинаков. Общий словарь диалектизмов составлен лишь на коми-зырянском материале (Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961; около 25 тыс. слов). В новом сводном диалектном словаре коми-языка насчитывается около 80 тыс. заглавных слов. Диалектные тексты, записанные в 40–50-х гг. прошлого века, хорошо отражают языковое богатство традиционного языкового узса. Однако в

современных условиях по сравнению со срезом 60-летней давности появились изменения, и прежде всего в функционировании лексем.

Динамический аспект диалектной лексики пермских языков представлен тремя основными линиями изменений.

1. Постепенное исчезновение из речи, выветривание слов, связанных с традиционным хозяйством и жизненным укладом, промыслами, уходящим бытом. Этот процесс связан с изменениями в экономической и общественной жизни. Так, в речи коми-зырян среднего и молодого возрастов уже практически не употребляются названия злаковых культур, слова, обозначающие лен, коноплю, лапти и многое другое. Вместо них употребляются русские заимствованные слова. Это связано с тем, что еще в Коми АССР волевыми решениями в колхозах и совхозах прекратили выращивание хлебных культур, льна, конопли и т. п. В лучшем случае лексика, связанная с выращиванием и обработкой зерновых и льна, сохраняется у лиц преклонного возраста, чье детство приходилось на 40–50-е гг. XX в.

2. Сглаживающее, унифицирующее влияние литературного языка, связанное с распространением школьного обучения и возросшим влиянием средств массовой информации, прежде всего телевидения и радио. Здесь наблюдается такая закономерность: близкая к литературной речи распространена у образованных людей, сельской интеллигенции, у детей старшего школьного возраста. Например, в среднесысольском диалекте коми-языка вместо диалектного глагола *кышасьны* нередко можно слышать литературное слово *пасьтасьны*.

«одеваться». Перечисленные категории лиц склонны считать широкое употребление диалектных слов признаком несовершенной, стилистически приниженной речи. Особенно часто данное явление наблюдается при разговоре с приезжими, не жителями родного села или поселка. Хотя в принципе диалектизмы употребляются всегда и параллельно с литературной нормированной лексикой в речи одних и тех же людей.

3. Частая замена диалектных слов на русские заимствованные в спонтанной, неподготовленной речи у представителей молодого и среднего, а также пожилого возраста, постепенный переход части исконной общенародной и диалектной лексики в область периферии, в ряде случаев полное исчезновение лексем. Основной причиной этого широко распространившегося явления служит двуязычие современных удмуртов и коми, особенно среднего и молодого возрастов, а также все возрастающее функционирование русского языка в общественно-политической сфере, в производстве и образовании, бизнесе и торговле. Такое массивное влияние на диалектную речь наиболее отчетливо видно у представителей диаспор, проживающих вне титульных республик. Например, вместо общераспространенных коми слов *пывсян/пысян*, *шюр*, *ёмидз* в речи часто можно слышать *колё бания ломтыны* «надо баню затопить», *сэн ыджыд болото эм* «там большое болото есть», *мунаам малинала* «пойдем за малиной». Особенность характерна данная особенность для коми-пермяцких диалектов, которые в ходе истории испытывали

Особенность этих языков такова, что, не имея однородной языковой среды в городах, они не обладают городским просторечием, жаргонами и арго.

интенсивное влияние со стороны окружающих русских диалектов, вследствие чего в них возникли специфические черты, отличающие их от зырянских диалектов, а именно: исконные числительные свыше 10 заменились русскими числительными, в язык проникли словообразовательные суффиксы *-ок* (*пуртóк* «ножик»), *-очка*, *-овой* (*кóртóвой* «железный»), частицы *бы*, *не*, союзы *если*, *кóбы*, *коли*, *что*, в речи употребляется масса лексических заимствований и калек. В устной речи коми-пермяков исконные глаголы заменяются на русские, причем они употребляются уже по grammatischen нормам русского языка и координируются со словами-подлежащими в числе и лице. Приведем примеры из мысовско-лупьинского, самого северного, коми-пермяцкого диалекта: *кóркунымёс забрал* *и* *школа вылó* «наш дом забрали под школу», *сийа война вылын погиб* «он на войне погиб», *кыдз тэ имэйши право туй вылó бийас'ны* «какое ты имеешь право разжигать костер на дороге» (по материалам О. Пономаревой).

В настоящее время коми и удмурты чаще всего употребляют следующие группы слов взамен исконных в обиходной речи: слова приветствия, прощания, благодарности (к. *здрав*, *пассибó*, удм. *привет*, *пока*), модальные слова, существительные различных семантических групп. Примечательно, что и в коми-зырянских, и в удмуртских диалектах начали активно выходить из употребления исконные числительные, например: в присыктывкарском диалекте коми-языка

тыс'ача девятсот пейс'ат *пятой годс'а верёсö* «мой муж тысяча девятьсот пятьдесят пятого года рождения», в среднечепецком диалекте удмуртского языка *двэна·ццэт'* *л'ёт кыл* *и айтэк* «с двенадцати лет (я) остался без отца» [3, 420]. Уже упоминалось, что в коми-пермяцких диалектах исконные числительные свыше 10 вышли из употребления и заменились на русские нумералы. Участились языковые включения целых выражений, терминологических и простых словосочетаний, а также языковые переключения, особенно в разговоре не на житейские темы, например: *Во-первых, миян уна вёчсö по подготовке к выборам, во-вторых,*

Цыпанов Йёлгииъ

Е.А. Цыпанов

ПЕРЫМ-КОМИ ГИЖЁД КЫВ

www.funnougoria.ru

Коми-пермяки. 2009 г. Фото Ивана Савельева*

ой дастысям день пожилых людей кежлö «Во-первых, у нас много делается по подготовке к выборам, во-вторых, теперь готовимся ко дню пожилых людей». Такие особенности устной диалектной речи стали очень характерны в последние десятилетия.

Неспособность в полной мере обслуживать сообщество в условиях модернизации, неразвитость лексических и стилистических ресурсов языков стали очевидными при попытках ввести коми-, удмуртский языки в качестве официальных.

В лексике литературного коми- и удмуртского языков в то же время наблюдается совершенно противоположная динамика: там отмечается быстрое расширение словарного состава. Неологизмы проникают из русского или через русский язык уже практически без адаптации, например: *принтер, офис, дума, спикер, мобильник, флешка*. С другой стороны, в языках идут сходные процессы активного расширения лексических ресурсов за счет создания и активизации собственно языковых слов-неологизмов, которые употребляются взамен заимствованных лексем или же чаще всего параллельно с ними в качестве синонимов. Появились сотни новых слов: к. олапнас «закон», енби «талант», удм. куңкремъ «гимн», лулчеберет «культура» и др. Иначе

говоря, за немногим более чем десятилетний период в родственных языках возникла новая лингвистическая реальность в виде большого корпуса неологизмов, который настоятельно требует подробных исследований. Многие лексемы переходят из пассивного словарного запаса в активный, однако большинство лексических новообразований пока остаются в виде рекомендованных, предложенных единиц. Но если носители языка читали, слышали эти слова хотя бы раз, есть вероятность их дальнейшего введения в употребление.

Рассуждая об общих чертах для процессов лексического обновления в родственных языках, необходимо оговориться, что подобные процессы характерны также для языков многих других народов Российской Федерации и стран СНГ. Их начало хронологически можно отнести к краткому периоду перестройки и гласности конца 1980-х – начала 1990-х гг. на территории бывшего СССР, когда внимание общества было обращено на кризисное положение в различных областях. В частности, оценке и переоценке подверглось состояние различных языков. Об этом говорят изданные материалы научно-практических конференций, проведенных в Марийской и Коми республиках в указанное время [7; 9]. Во всех финно-угорских регионах России состояние литературных языков тогда вызвало серьезные претензии языковедов, в том числе благодаря их

* В статье использованы работы с выставки журналистов и фотолюбителей финно-угорских регионов России «Мы есть и будем».

сравнению с более развитыми финским, венгерским и эстонским языками, практическое знание которых среди филологов начало возрастать именно в тот период. Неспособность в полной мере обслуживать сообщество в условиях модернизации, неразвитость лексических и стилистических ресурсов языков стали очевидными при попытках (хотя бы и частично) ввести коми-, удмуртский языки в качестве официальных и использовать их в публичных выступлениях, официальных сообщениях, штампах, вывесках и т. п.

Принципиальное значение в процессах лексического обновления в языках имеет деятельность реформаторов.

18

Не вдаваясь в подробности, можно констатировать, что именно с конца 1980-х гг. литературные языки стали быстро терять былую нормативную стабильность в лексике и пополняться новыми словами и словосочетаниями. В плане культуры речи чуть ли не наиболее проблемным явлением было признано изобилие заимствованных элементов в лексике, хотя еще в 1960–1970-х гг. те же носители языков, представители интеллигенции к иноязычной лексике относились вполне терпимо, широко вводя заимствования в речь, письменные тексты. Это можно объяснить исчезновением жесткого идеологического пресса на финно-угорские языки; так, избегание употребления заимствованных слов перестало оцениваться как некое проявление национализма, национально-языковой ограниченности, стремления оторвать титульные языки от русского и т. п. Одновременно в национальных сообществах начали проступать признаки расслоения носителей языка по их отношению к вводимой лексике: одни приняли новообразования как должное, незначительная часть стала их активно использовать, иные же выражали недовольство, непонимание, иногда даже протест. Все вышеизложенное полностью подтверждает положения ученых о том, что пуританизм проявляется именно в период важных общественных событий переломного характера.

Условно можно выделить два периода в поиске неологизмов в рассматриваемых языках. Если сначала в литературные языки активно вовлекались уже имеющиеся слова, т. е. шел активный поиск неологизмов среди существующих в языке словарных единиц из диалектных и более древних письменных источников, то в последнее десятилетие активно создаются и собственно неологизмы, не существовавшие в диалектах и письменных памятниках слова. Например, для обозначения понятий «конституция» и «закон» в коми-языке не было никаких слов в устной речи, диалектах и словарях. Поэтому появление неологизмов *оланиподув* «конституция» и *оланипас* «закон» стало вполне логичным. Первое переводится буквально как «основа жизни», а второе – как «знак жизни». Неологизмы понимаются нами в широком смысле, как слова самого разнооб-

разного происхождения, входящие в активное словоупотребление или предлагаемые к употреблению в определенный период, когда носители языка воспринимают такие слова в качестве незнакомых, необычных, новых.

Активизированная и введенная новая лексика охватывает в коми-, удмуртском языках три основные тематические группы слов: 1) общественно-политическая лексика: удм. *азъмурт* «президент», *элькуп* «республика», к. *юралысыпъ* «кандидат на пост главы», *ёрд* «суд» и т. п.; 2) научные термины в области филологии, обществоведения: к. *кыввор* «лексика», *шыкүд* «фонетика», *кывберд* «прилагательное», удм. *нимбер* «последлог», *кылтодон* «языкознание» и др.; 3) лексика сферы культуры, науки, образования: удм. *тодос* «наука», *бичет* «сборник стихов, бюллетень», к. *шылад* «музыка», *сикасалём* «классификация», *енбия* «талантливый», *ötüvvəz* «Интернет» и т. д. Существуют, конечно, и иные тематические группы слов. Например, во всех языках заметно пополнилась группа религиозно-церковных терминов, в основном в текстах новых переводов частей Библии, а в марийском и удмуртском языках получила легальный статус терминология, издавна использующаяся в языческих обрядах. Издаются терминологические словари по различным отраслям науки [5; 6; 8].

Что касается способов образования неологизмов, то в языках используются практически все существующие виды деривации, однако чаще всего новые слова образуются наиболее характерными для финно-угорских языков способами суффиксации и словосложения, например: к. *кокньööd* «льгота» (образовано при помощи суффикса *-ööd* от прилагательного *кокни* «легкий»), удм. *тодосчи* «ученый» (образовано с помощью суффикса *-чи* от существительного *тодос* «наука»). Примеры на словосложение были приведены выше. Из числа отличий можно упомянуть то, что в коми-языке начали появляться собственно аббревиатуры: *СКУ* – Сыктывкарса *канму* *университет* «Сыктывкарский государственный университет», *КМ* – газета «*Коми му*», *ВАК* – *восьса* *акционер* *котыр* «открытое акционерное общество», *НАК* – *Ненеч автономия* *кыти* «Ненецкий автономный округ». Постепенно начал активизироваться такой способ деривации, как аббревиация.

Практика показывает, что чем яростнее идут дискуссии, споры о словах, тем быстрее последние осваиваются носителями языка.

Источники пополнения новой лексики в языках в принципе одни и те же, однако их значение для разных языков неодинаково. Общее заключается в том, что неологизмы привлекаются из следующих источников: 1) собственно неологизмы, искусственно созданные слова, 2) кальки, слова, созданные по моделям слов других языков, 3) полукальки, 4) слова с изме-

Удмуртка. 2009 г. Фото Олега Митюшева

Коми-пермячка. 2009 г. Фото Ивана Савельева

нившимися, новыми значениями, 5) активизированные диалектизмы, 6) слова из близкородственных литературных языков, 7) слова из более древних письменных памятников и словарей, активизированные архаизмы и историзмы.

Принципиальное значение в процессах лексического обновления в рассматриваемых языках имеет деятельность реформаторов языка, тех людей, которые ищут, создают, предлагают, активизируют лексические новообразования. Таких людей в соответствующих языкам регионах немного, это очень тонкий слой национальной интеллигенции, ученых, преподавателей вузов, писателей и журналистов. Например, в Удмуртии очень заметна реформаторская деятельность кандидата филологических наук Виктора Шибанова, в Коми активно работают члены термино-орфографической комиссии, в Перми продуктивно трудится Ёньё Лав (В. А. Степанов), предлагающий многие новообразования для обоих коми-литературных языков. Хотя число реформаторов языка невелико, их влияние на процессы лексического обновления ощутимо. Поддержку реформаторам оказывают прогрессивные журналисты, активизирующие неологизмы через средства СМИ и, как это ни странно, антиреформаторы, создающие полемику вокруг употребления тех или иных слов. Практика показывает, что чем яростнее идут дискуссии, споры о словах, тем быстрее последние осваиваются носите-

лями языка. Данные анкет свидетельствуют о том, что во всех трех регионах наиболее консервативными группами носителей языков, выражающими недовольство вводимыми неологизмами, а иногда и протест против их активизации, являются люди пожилого и преклонного возрастов, жители сел. И наоборот, наиболее восприимчивы в отношении новой лексики молодежь и люди среднего возраста, хотя в обеих упомянутых группах есть много примеров обратного порядка. В Республике Коми, например, в периодике против введения новых слов выступали некоторые писатели и журналисты, а также один фольклорист.

Считаем уместным осветить и вопрос о способах фиксации неологизмов, о путях и средствах их активизации. В различных регионах дело обстоит по-разному. В Удмуртии и, особенно, Республике Коми эта деятельность шла в организованном русле, т. е. многие новообразования сначала проходили коллегиальную оценку и обсуждение. Наиболее активно подобная комиссия работала в Коми. Она была создана в 1994 г. при тогдашнем Министерстве по делам национальностей. За прошедшие годы комиссия подготовила и издала четыре специальных бюллетеня, два выпуска словаря новой коми-лексики «Выль коми кыввэр» (1998; 1999), краткий словарь общественно-политической лексики и сводный словарь неологизмов «Выль кыввэр» [11]. Последний содержит примерно 1 800 заглавных

стей. По заказу Министерства по делам национальностей в 2004 г. коллективом авторов был создан «Краткий русско-коми словарь общественно-политических терминов» (около 1 000 слов). В 2004 г. в ИЯЛИ КНЦ УрО РАН был подготовлен и издан специальный компьютерный фонд «Выль кыввэр», охватывающий свыше 2 400 коми-неологизмов (подробнее об этом см. [10]). Фондом уже успешно пользуются в редакциях комигазет, на радио и телевидении. В принципе для успешной активизации новообразований необходимы все способы и средства, и традиционные, и электронные, включая помещение словарных материалов в Интернет.

Происходящие в разных языках и регионах процессы, как показывает материал, имеют много сходного. Их можно характеризовать как пурристские устремления, возникшие в качестве реакции на результаты фактического антиформализаторства 1960–1980-х гг. Последний процесс заключался в фактическом отказе от активного вмешательства в языковые процессы и признании литературного языка в основном лишь в качестве объекта изучения и не более. Отголоски этого подхода к языку слышны и поныне в высказываниях некоторых филологов о том, что не надо активно предлагать и популяризировать неологизмы, что язык сам выберет самое нужное и необходимое, пропустит через свои мифические фильтры и т. п. Вселяет оптимизм то, что указанное отношение к родным языкам постепенно утрачивает позиции.

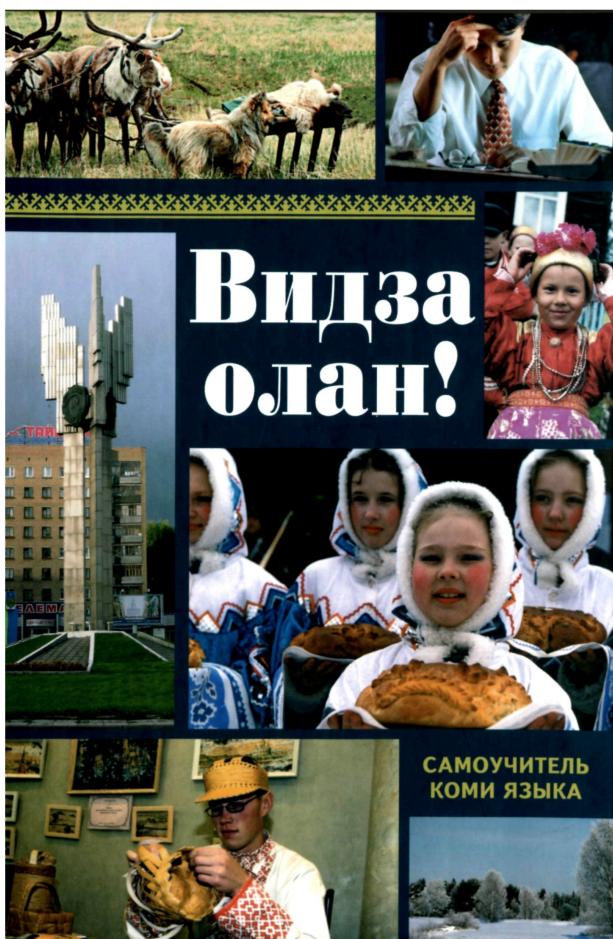
В целях более точной квалификации рассматриваемых явлений в трех языках есть смысл обратиться к наиболее общепринятым определениям пуризма и соотнести языковые процессы лексического обновления в трех российских финно-угорских языках с ними. У О. С. Ахмановой читаем: «Пуранизм англ. purism, фр. purisme, нем. Sprachreinheit, исп. purismo. Борьба против неологизмов, против введения в употребление заимствованных и международных слов и т. п., не основанная на научном исследовании тенденций развития данного языка; отношение к развитию языка и деятельность лиц, стремящихся оградить родной язык от иностранного (иноязычного) влияния» [1, 374]. Несколько иная дефиниция дана в Лингвистическом энциклопедическом словаре: «Пуранизм (франц. purisme, от лат. *purus* – чистый) – стремление очистить литературный язык от ино-

язычных заимствований, разного рода новообразований, от элементов внелитературной речи (диалектизмов, просторечия и др.)» [4, 247]. Если у О. С. Ахмановой пуранизм представлен в отрицательном ракурсе, как не имеющая научной основы борьба с заимствованиями и международными словами, то определение из Лингвистического энциклопедического словаря является более широким и нейтральным, подразумевая под пуранизмом уже не борьбу, а стремление, что, конечно, гораздо точнее соответствует языковой реальности.

В специальной монографии Джорджа Томаса «Linguistic Purism» («Лингвистический пуранизм»), изданной в Лондоне в 1991 г., пуранизм рассматривается в гораздо более широком аспекте и не сводится лишь к изменениям в лексике. Исследователь, критически оценив ряд определений, данных ранее многими учеными, дает свою подробную дефиницию, которую есть смысл привести здесь в переводе: «Пуранизм – это проявление желания у части речевой коммуникации (или же некоторых ее сегментов) сохранить язык или избавить его от многих иноязычных элементов, приводящих к нежелательным последствиям (включая те, что берут начало в диалектах, социолектах и стилях того же самого языка). Оно может быть направлено на все язы-

ковые уровни, но прежде всего на лексику. Главным образом, пуранизм является аспектом кодификации, развития и планирования литературных языков» [12, 12].

Собранный материал и комментарии к нему дают основания говорить, что существующие определения в целом не совсем точно охватывают весь комплекс явлений лексического обновления в рассматриваемых языках. В теоретических работах обычно жестко связываются пуранизм и становление, формирование литературных языков, говорится, что пуранизм характерен в основном для начального периода развития литературных языков. Однако современные коми-, удмуртский языки прошли этап становления еще в 20-е гг. прошлого века, к 80-м гг. это были уже сложившиеся, достаточно нормированные литературные языки. Реформаторы языка в Марий Эл, Удмуртии, Коми, а также в Мордовии и Карелии не выступают принципиально против вовлечения и употребления новых заимствований (во всех языках появились такие английские заимствования, как *спикер*, *инаугурация*, *пайджер*, *файл*,

принтер, сканер, русские заимствования дума, ОМОН, мобильник и т. д.), не ведут борьбу против введения диалектизмов и просторечных слов в лексику литературного языка. Наоборот, диалекты, разговорная речь признаются одними из основных источников неологизмов. Так, в коми-языке теперь для выражения понятия «бюджет» широко употребляется слово куд, которое в разговорном языке имеет конкретное значение «короб из луба, коробочка, лукошко». Многие сначала говорили о грубом характере слова в значении «бюджет», о его стилистической непригодности. Затем в ходе активного словоупотребления лексема в новом значении адаптировалась в языковом сознании людей.

Современный пуранизм в российских финно-угорских языках можно кратко охарактеризовать как рациональную целенаправленную деятельность по расширению лексических ресурсов литературных языков в целом с использованием различных источников, стремление обогатить лексику за счет языковых ресурсов своих и близкородственных языков. Новообразования вводятся взамен (и в качестве синонимов) и новых заимствований, и старых, уже адаптированных в языке слов, и даже части исконных слов. Причем возникают новые синонимические ряды. Например, для обозначения понятия «словарь» в коми-языке ныне употребляются три слова: кывкуд, кывчукёр, кывёкът ёд, а для обозначения понятия «мужчина» – четыре: айморт, айлов, вер, айка. При этом используются и традиционные слова словар и мужичой, мужик.

Несмотря на большие трудности, возникающие на пути новой лексики к активному словоупотреблению, и противодействие антиреформаторов, процесс создания и введения лексических инноваций уже имеет явные позитивные результаты, которые можно суммировать в нескольких положениях: 1) существенно расширились лексические и словообразовательные ресурсы, особенно в сравнении с стагнирующим языковым состоянием 1970–1980-х гг.; 2) получили развитие национальные терминологические системы в нескольких отраслях; 3) расширились возможности лексической синонимии и стилистической дифференциации речи в различных функциональных стилях; 4) активизирующийся

корпус неологизмов оказывает ощутимый психолингвистический эффект на носителей языка (в основном лиц молодых и среднего возрастов), вызывая положительную оценку и ощущение родных языков.

Естественно, в процессах лексического расширения за счет введения неологизмов есть много противоречивого и нерационального, случайного и избыточного. Значения многих слов изменчивы, их употребление часто зависит от личных симпатий-антисимпатий носителей языка, есть проблемы с произношением и написанием. Однако богатый материал новой лексики в указанных финно-угорских языках говорит прежде всего о развитии лексики, всей структуры языков в условиях модернизации, изменчивости современного мира.

Таким образом, динамический аспект лексики коми и удмуртского языков проявляется в разнонаправленных тенденциях: в диалектной лексике наблюдается тенденция к размытию и частой замене слов на заимствованный из русского языка лексический материал, в лексике литературных языков обозначилась тенденция к значительному расширению словарного состава за счет создания и введения неологизмов – как заимствований, так и слов исконного происхождения.

СОКРАЩЕНИЯ

к. – коми-язык, удм. – удмуртский язык

Ключевые слова / keywords:

пермские языки; динамика структур пермских языков; лексическое выветривание исконной лексики; избыточные заимствования в диалектах; лексическое обновление в литературных языках

the Permic languages; the dynamics of the Permic languages' structures; lexical disintegration of the native vocabulary; excessive borrowing in the dialects; lexical renewal in the standard language

Поступила 03.09.2008

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966.
2. Динамика структуры современного русского языка / отв. ред. В. В. Колесов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1982.
3. Карпова, Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы речи / Л. Л. Карпова. – Ижевск, 2005.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990.
5. Мартынов, В. И. Коми литературоцелеский словарь-справочник / В. И. Мартынов. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1993.
6. Онія коми кыв. Морфология. – Сыктывкар : Коми небог лэдзәніц, 2000.
7. Республикаанская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы развития, изучения, преподавания марийского языка и литературы в условиях марийско-русского двуязычия» : тез. докл. и сообщений. – Йошкар-Ола, 1987.
8. Соколов, С. В. Биологической пимкыльёсын кылбутор = Словарь биологических терминов / С. В. Соколов, В. В. Тугаев. – Ижевск : Удмуртия, 1994.
9. Цыпанов, Е. А. Ковтог роچысь босьтом кывъяс йылысь // Коми кыв оїя оломын : материалы науч.-практ. конф. «Проблемы функционирования коми языка в современных условиях» (28–30 марта 1989 г.). – Сыктывкар, 1990. – С. 119–126.
10. Цыпанов, Е. О компьютерном фонде «Выль коми кыввор» (Новая коми лексика) // Linguistica uralica (XL). – 2004. – № 2. – С. 129–134.
11. Цыпанов, Е. А. Выль кыввор / Е. А. Цыпанов, Л. М. Безносикова. – Сыктывкар, 2005.
12. Thomas, G. Linguistic Purism / G. Thomas. – Longman : London : New York, 1991.

